

О. В. Бригадина

СУДЫ ЧЕСТИ НАД СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРОЙ (1947—1949 гг.)

В статье анализируются меры советской власти и лично Сталина в первые послевоенные годы по восстановлению идеологического контроля в стране. В условиях холодной войны акцент был сделан на борьбу с антипатриотизмом и «преклонением» перед Западом. Одним из методов пропагандистской работы стали суды чести в министерствах и центральных ведомствах. Был использован опыт дореволюционной России по организации офицерских судов чести. Однако в СССР для усиления воспитательного эффекта объектами критики стали ученые, творческая интеллигенция, военные, руководство страны. Суды чести были созданы в 82 министерствах и ведомствах и стали начальным этапом борьбы с «космополитами» в СССР. Предпосылки, организационные мероприятия и результаты деятельности судов чести — предмет исследования автора данной статьи.

The article reviews the measures of the Soviet government and of Stalin personally to restore the ideological control of the country in the early post-war. With the cold war the focus was on the fight against anti-patriotism and «adoration» of the West. Among the methods of propaganda were the courts of honor in ministries and central agencies. The experience of pre-revolutionary Russian officers on the organization of courts of honor was employed. However, in the Soviet Union the object for criticism were scientists, intellectuals, military people, leaders of the country. Courts of honor were created in 82 ministries and departments and became the initial stage of the struggle against “cosmopolitanism” in the USSR. Background, organizational activities and performance of the courts of honor are the subject of research of the author.

Ключевые слова: суды чести, номенклатура, космополитизм, советский патриотизм, буржуазное влияние.

Keywords: courts of honor, nomenclature, cosmopolitanism, Soviet patriotism, bourgeois influence.

Великая Отечественная война оставила в массовом сознании глубокий нравственный след, возродила надежды на лучшую жизнь. Среди солдат, возвращавшихся в разоренные деревни, ходили упорные слухи, что колхозы распустят и землю отдадут крестьянам, что снизят налоги и выдадут на руки паспорта. Эти общественные настроения вызывали у властей серьезное беспокойство, росло недоверие к собственному народу, к бывшим военнопленным, к эмигрантам, вернувшимся на родину, к солдатам, которые прошли почти всю Европу. Нуждались, по мнению партаппарата, в усиленной теоретической подготовке даже коммунисты, вступившие в партию в годы войны. Под пристальным контролем находились не только те отрасли науки, которые работали на «оборонку», но и любые другие, где предполагалось даже малейшее отклонение от генеральной линии: биология, генетика, социология, кибернетика. Катастрофические последствия имело вмешательство партийно-государственного аппарата в гуманитарные науки. За послевоенные годы не появилось ни одного значительного достижения в этой области знаний.

«Не смей думать, что попало...»: первое предупреждение. И. В. Сталин понимал, что война духовно раскрепостила людей. Идеологическая обработка охватила все сферы общества. Цель — поддержать непрерывное напряжение, создать обстановку потенциально возможной новой войны. Кульминацией идеологической работы стала развернувшаяся в стране кампания борьбы с космополитами, направленная в первую очередь против интеллигенции. В «безродном космополитизме» были обвинены многие ученые, писатели, деятели культуры.

Бригадина Ольга Васильевна — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: brigadinaol@mail.ru

Началась критика известного советского экономиста Е. С. Варги, который, изучая экономическую эволюцию в мире, пришел к выводу, что система капитализма способна приспосабливаться к изменяющимся условиям и противостоять кризисам. Была сделана попытка обвинить в антипатриотизме и преклонении перед западной наукой академиков А. Ф. Иоффе и П. Л. Капицу. Однако их работы в значительной мере касались военной тематики, что спасло ученых от травли. В августе 1946 г. появилось разгромное постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Основными объектами для критики были избраны два популярных в стране писателя — сатирик М. Зощенко и поэтесса А. Ахматова. М. Зощенко критиковали за то, что он осмелился показать социальные проблемы, которые поразили общество: приспособленчество, мещанство, страх. Страх породил двойную жизнь: одну — естественную, личную; другую — официальную, превращавшую людей в послушные «винтики». А. Ахматова в качестве объекта для критики также была выбрана неслучайно. Независимая, талантливая, пользующаяся не санкционированными властью уважением и популярностью, поэтесса была чужой и даже опасной для аппарата. Постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» стало началом новой, послевоенной волны «разоблачений» и преследований творческой интеллигенции. Вслед за литературой аналогичные меры были приняты в области кино, музыки, театрального искусства.

Под особым контролем у Сталина и органов НКВД находилась военная элита страны — генералитет. Война не могла не усилить роль армии в жизни общества. В советской политической реальности это означало ослабление партийного руководства. По мнению историка Р. Г. Пихои, «военным Сталин не доверял никогда... НКВД вели слежку практически за каждым крупным военачальником... Особое внимание уделялось маршалу СССР Г. К. Жукову... Огромная популярность Жукова в армии и среди населения вызывала зависть Сталина. Он, а также партийный аппарат, в том числе и в самой армии, не простили независимости, славы самого знаменитого военачальника Красной армии времен Отечественной войны... Его побед, его славы ему не простили» [1, с. 44]. Однако воспользоваться «сценарием 1937 года» для расправы над маршалом не представлялось возможным, по крайней мере в тех формах, которые применялись в конце 1930-х гг. Требовалась более основательная, систематическая дискредитация Г. К. Жукова. В 1946 г. было сфабриковано «дело авиаторов». Арестованные главнокомандующий ВВС СССР Главный маршал авиации А. А. Новиков и командующий 12-й воздушной армией маршал авиации С. А. Худяков в ходе следствия под пытками вынуждены были дать показания против Г. К. Жукова и других лиц, казавшихся опасными для Сталина. В настоящее время документально доказано, что «все обвинительные показания были получены в результате самооговоров арестованных», однако в 1946 г. следствие докладывало Сталину, что Жуков «очень хитро и в осторожной форме... пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандующего» [1, с. 47, 48].

По стратегическому замыслу, одобренному Сталиным, следствие по «делу военных» должно было выполнить три задачи: собрать компрометирующие данные на маршала Г. К. Жукова; выявить «вредителей» в военной авиации и военной промышленности; установить связь между военными и партийно-государственным руководством страны. Министерство государственной безопасности, возглавляемое В. С. Абакумовым, вело систематическую слежку за высшим руководством и периодически докладывало о своих наблюдениях Сталину.

В 1946 г. была введена новая номенклатура должностей, включавшая ответственных работников министерств и ведомств, директоров предприятий, членов Ученых советов вузов, высший состав Вооруженных Сил СССР, дипкорпус, членов Правления творческих союзов, руководство общественных организаций. В 1943—1954 гг. служащих более чем 20 министерств можно было отличить по специальной форме и значкам. Характер их труда «отличался чрезвычайщиной, пик деловой активности приходился на вечернее время и продолжался до 2—3 часов ночи. Ночью работал Сталин, который мог лично позвонить и срочно потребовать

справку или отчет» [2, с. 163–164]. Роль и количественный состав советской номенклатуры постоянно росли, она обретала стабильность и устойчивость, стала превращаться в замкнутую касту. Уровень жизни номенклатурных работников был самым высоким в стране. Для высшего и среднего звена продолжала действовать введенная в 1930-е гг. практика «пакетов» — денежных выплат дополнительно к основному заработку, не проходивших по финансовым ведомостям [2, с. 164]. Высокий жизненный уровень поддерживался за счет системы спецраспределителей, медицинского обслуживания, санаторно-курортного лечения и т. д. Сталин отчетливо осознавал общественную значимость и влияние этого социального слоя в жизни страны и стремился «привести в чувство работников госорганов, которые оторвались от родной почвы и пресмыкаются перед заграницей» [3, с. 254]. Репрессивная практика была неприемлема, поэтому он согласился с предложением секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова создать по образцу дореволюционной России в министерствах и ведомствах суды чести, сделав акцент на общественное влияние.

Суды чести в России и «Дело КР» (Клюевой и Роскина). В советской России товарищеские суды чести командного состава РККА были восстановлены по приказу № 8 наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова 17 января 1939 г. Члены судов из 7–9 человек избирались тайным голосованием на два года и действовали в соответствии с Положением об офицерских товарищеских судах чести в Вооруженных Силах СССР [4]. Поводом для восстановления судов чести стало «дело» члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР Н. Г. Клюевой и профессора кафедры гистологии МГУ Г. И. Роскина. К весне 1946 г. эти советские ученые завершили работу и подготовили к изданию свою рукопись «Биотерапия злокачественных опухолей». Н. Г. Клюева 13 марта выступила с докладом на заседании АМН об итогах работы по созданию нового, как казалось, эффективного препарата против рака. Отчет был опубликован в газете «Правда» и очень заинтересовал иностранных ученых. Посол США в СССР У. Смит с согласия Министерства здравоохранения СССР лично посетил лабораторию Н. Г. Клюевой, предложил ученым совместную работу над проектом и достойное финансирование. С санкции МИД и Минздрава СССР академик-секретарь АМН СССР В. В. Парин доставил в США рукопись монографии, некоторые ученые разработки и 10 ампул препарата «для информирования сотрудников Национального ракового института США и возможного издания на английском языке» [3, с. 255]. В условиях «холодной войны», как считает исследователь В. Д. Есаков, этот эпизод был использован для начала массовой идейно-политической кампании против «тлетворного» влияния Запада. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 17 февраля 1947 г. основные обвинения были предъявлены министру здравоохранения СССР Г. А. Митереву, был санкционирован арест В. В. Парина и принято решение об издании в СССР монографии Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина, которая была сразу выдвинута на соискание Сталинской премии. Что касается самого Сталина, то по выводам историка советской науки С. Э. Шноля, «когда ему доложили — он рассвирепел. Как только Парин прилетел в Москву, 17 февраля 1947 г., его вызвали в Кремль. Были вызваны также Роскин и Клюева... Сталин держал в руках книгу с множеством пометок. Он был страшен...» [5, с. 226]. Академик В. В. Парин был осужден на 25 лет, освобожден в октябре 1953 г., министр здравоохранения Г. А. Митерев был уволен с поста, а супругам-биологам профессорам Клюевой и Роскину суд чести Минздрава СССР в июле 1947 г. объявил общественный выговор.

Идея Сталина—Жданова о судах чести казалась перспективной. Дело было даже не в физическом истреблении людей, а в моральном унижении человека. Нельзя не согласиться с выводом В. Д. Есакова: «конечно, приструнить слишком самовольничающих министров, их замов и прочих номенклатурщиков полезно... Теперь же им грозит не просто снятие, а публичное разбирательство и поношение» [3, с. 255]. Как следствие, опасаясь риска оказаться «чужими среди своих», номенклатура резко переориентировалась на выполнение директив, стала более осторожной в своих действиях, избегала самостоятельных решений, которые

могли быть поняты и оценены иначе. К тому же в стране начиналась настоящая эпидемия шпиономании. Ведь сам Сталин предостерегал: «буржуазные государства постоянно засылают друг другу массу шпионов. Поэтому нет оснований полагать, что к нам засылают шпионов меньше. Наоборот, буржуазные государства к нам засылают шпионов в два-три раза больше, чем в любую буржуазную державу» [1, с. 43].

Требовалось «покончить с беспечностью и ротозейством, а тем более с низкопоклонством в отношении приезжающих иностранцев» и обеспечить соблюдение государственной тайны. Правительственные директивы требовали от местных властей «обеспечить через соответствующие организации слежку за пребыванием иностранцев в республике, крае, городе, с тем, чтобы знать о каждом их шаге и предупреждать возможность их встреч с людьми болтливыми перед иностранцами и другими нежелательными для нас элементами». 8 июля 1947 г. принято постановление СМ СССР «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну», а также указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за разглашение государственной тайны. Политбюро ЦК ВКП (б) 10 июня 1947 г. утвердило список иностранных ученых для избрания в состав АН СССР: из него были исключены предложенные Президиумом АН СССР американские, английские и мексиканские ученые. Было прекращено издание в СССР на иностранных языках журналов АН СССР: «Докладов Академии наук СССР», «Физико-химического журнала» и «Журнала по физике». Якобы их издание наносило серьезный ущерб советскому государству в связи с утечкой информации. Покупку-продажу литературы на иностранных языках можно было осуществлять только в магазинах «Академкнига» в Москве и Ленинграде. Каждый выезжающий из страны советский гражданин обязан был следовать установленным обязательствам, разработанным 25 июля 1947 г. постановлением СМ СССР о въезде-выезде [3, с. 257].

Для усиления воспитательного эффекта 16 июля 1947 г. в первичные парторганизации было направлено «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой — Роскина». Вопрос о ходе обсуждения «закрытого письма» регулярно рассматривался в течение второй половины 1947 — начале 1948 гг. на заседаниях секретариата ЦК, трижды — на заседаниях Оргбюро ЦК. Реакция на местах была неоднозначной. Как свидетельствуют архивные материалы «Об итогах обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина на собраниях парторганизаций Могилевского педагогического и Белорусского ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственного институтов», «участники собрания начали сомневаться в деловых качествах заведующих кафедр и даже политической благонадежности студентов. Было решено провести сплошную проверку научных работников и студентов, а также создать новую партийную группу [7, с. 22, 23].

С другой стороны, по информации секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова, «... в реализации закрытого письма ЦК мы встречаем сопротивление, ... мы встречаем сопротивление и со стороны партийных руководителей, и со стороны хозяйственных руководителей..., они сопротивляются той новой форме воспитания интеллигенции, которую установил ЦК..., но мы обязаны сохранить секретность..., ударить по болтливости, мы обязаны болтливых людей судить в Судах чести, — пусть остальные учатся» [3, с. 261].

В 1948 г. режиссером А. Ромом по сценарию А. Штейна был снят фильм «Суд чести», который в 1949 г. был удостоен Сталинской премии. Сюжет основан на реальных событиях, связанных с судом чести над микробиологами Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскиным. По официальным данным картину в 1949 г. посмотрело 15 млн 200 тыс. зрителей. В аннотации отмечалось, что это фильм «о борьбе с проявлениями низкопоклонства перед буржуазной наукой, о воспитании чувства высокого общественного долга, преданности интересам советского государства и о национальном достоинстве советских людей [4].

Организация судов чести. 28 марта 1947 г. было принято постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах и центральных ведомствах». В нем предписывалось

организовать суды чести в Министерстве здравоохранения, Министерстве торговли, Министерстве финансов [6, с. 135]. Создавались суды для «воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства, ... для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». На этот выборный орган из 5—7 человек, решения которого не подлежали обжалованию, возлагались задачи: «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных проступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке». Состав суда избирался тайным голосованием на общем собрании коллектива. Министры и другие первые лица не могли являться членами суда, однако «решение вопроса о направлении дела в суд принадлежит либо министру, либо руководителю ведомства, либо профсоюзной или партийной организации» [6, с. 135].

Первоначально деятельность судов чести не распространялась на высшее руководство страны, однако 7 апреля 1948 г. Политбюро ЦК партии приняло решение о создании судов чести при СМ СССР и ЦК ВКП(б). Под юрисдикцию судов могли попасть секретари компартий союзных республик, министры союзных министерств, председатели комитетов при СМ СССР и другие ответственные работники высокого ранга. Однако привлечь к суду ответственных работников высшего ранга можно было только по решению Политбюро ЦК ВКП(б) и личному согласию Сталина. На практике к суду они почти не привлекались, т. е. «замысел, — как констатировала историк Е. Ю. Зубкова, — оказался значительно шире его практической реализации» [8, с. 100, 101].

По итогам 1947 г. суды чести были созданы в 82 министерствах и центральных ведомствах. Суды избирались сроком на 1 год, поэтому специальным постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля 1948 г. их деятельность была продлена еще на один год. По официальным данным за 1947—1948 гг. было рассмотрено более 50 дел, в том числе в министерствах и ведомствах состоялось 12 заседаний судов чести [9, с. 61].

«Приговор окончательный и обжалованию не подлежит...»: человеческие судьбы. Несмотря на незначительное количество судебных заседаний, общественный резонанс был высоким. Собственно, к этому и стремились организаторы. В закрытом письме ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина отмечалось: «... широкая публичность судов чести придавала огромную моральную силу судебному процессу и делала из судов чести мощный рычаг нашего политического воздействия, с которым не могли сравниться пропагандистские кампании общего, отвлеченного типа» [9, с. 61]. Эффект был достигнут. На долгие годы осужденные судами чести превращались во врагов, шпионов, отступников. Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин писали Н. С. Хрущеву: «Вынесенный нам приговор несправедлив... За общественной дискредитацией последовала и научная дискриминация... В разных формах и на разных этапах нам в течение 11 лет приходится доказывать, что мы не “сомнительные граждане”, а научные работники, посвятившие себя полезному для больных и научно честному делу» [9, с. 61]. Они были реабилитированы в 1959 г., их исследования позднее были признаны неперспективными. Академик В. В. Парин был освобожден в 1953 г., реабилитирован в 1959 г.

В Политехническом музее в Москве 21—22 ноября 1947 г. в присутствии около 1000 зрителей состоялся суд чести Министерства высшего образования СССР над президентом АН БССР, профессором А. Р. Жебраком. Его «вина» заключалась в том, что он сотрудничал с западными коллегами, а в 1945 г. в американском журнале «Science» подверг «унижению и охаиванию передового советского ученого, известного всему культурному человечеству своими трудами в области физиологии и генетики, академика Т. Д. Лысенко». Суд объявил А. Р. Жебраку общественный выговор за попытку «опорочить своих теоретических противников перед лицом зарубежной научной общественности, а в газете “Правда” появилась статья, в которой ученый был обвинен в “низкопоклонстве” перед западной наукой» [10].

Поиски «безродных космополитов» продолжались в других организациях. Суду чести подвергли министра путей сообщения СССР И. В. Ковалева, министра пищевой промышленности В. П. Зотова, начальника Гидрометеорологической службы страны, генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза Е. К. Федорова. Генерала обвинили в том, что он в 1944 г. передал английским и американским военным секретные карты лоций северных морей. Попытка доказать на суде, что эти карты были необходимы союзникам для успешной проводки караванов судов, доставлявших по ленд-лизу в СССР вооружение и продовольствие, не имела успеха: приговор суда — общественный выговор. Наиболее суровое решение было принято судом чести в отношении четверых адмиралов. Сталин 13 декабря 1947 г. подписал постановление о передаче суду Н. Г. Кузнецова — бывшего наркома ВМФ СССР, Л. М. Галлера — его заместителя, В. А. Алфузова — бывшего начальника Главного морского штаба и контр-адмирала Г. Л. Степанова. Их обвинили в незаконной передаче союзникам в годы войны проектной документации на парашютную торпеду, которая использовалась для поражения кораблей противника, а также «в благодушии и низкопоклонстве перед иностранщиной» [4]. Обвиняемые документально доказали абсурдность обвинения, однако суд чести принял решение передать дело в Военную коллегия Верховного суда СССР. На закрытом заседании Военколлегии 2 февраля 1948 г. на основании статьи 193-17п УК РСФСР («злоупотребление властью, ее превышение и халатное отношение к службе») В. А. Алфузов и Г. Л. Степанов были приговорены к 10 годам лишения свободы, Л. М. Галлер — к 4 годам (скончался в тюремной больнице в 1950 г.). Н. Г. Кузнецов за личные заслуги в организации ВМФ СССР был оправдан, однако понижен в звании. В 1953 г. все осужденные были реабилитированы с восстановлением воинских званий и правительственных наград [4].

Безусловно, некорректно даже сравнивать масштабы потерь 1930-х гг. и количество осужденных судами чести в 1947—1949 гг. Суды чести стали инструментом внедрения в сознание людей сталинского понимания патриотизма и борьбы против западного влияния.

Это привело к расколу общества на «обвиняемых» и «судей», к осуждению не только инакомыслия, но любой научно-обоснованной или гражданской позиции. Непродолжительный период деятельности судов чести стал прелюдией к широкомасштабной «борьбе с космополитами».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945—1991. М. : Изд-во РАГС, 1998. 736 с.
2. *Соколов А. К., Тяжельников В. С.* Курс советской истории. 1941—1991. М. : Высш. шк., 1999. 414 с.
3. *Есаков В. Д.* Сталинские суды чести: масштаб и последствия // Тр. ИРИ РАН. М. : Наука, 2008. Вып. 7. 428 с.
4. *Пилипчук А.* Советские суды чести и их метастазы // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.ru/process/view/5-762> (дата обращения: 25.09.2013).
5. *Шноль С. Э.* Герои и злодеи российской науки. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 464 с.
6. *Мурин Ю.* Суды чести // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 135—137.
7. Хрестоматия по истории Беларуси : учеб. пособие : в 2 ч. / сост. Я. И. Трищенко и [др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2012. Ч. 2, кн. 2. 1946 — начало XXI в. 439 с.
8. *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1949—1953) // Свободная мысль. 1999. № 4. С. 96—109.
9. *Кутузов В. А.* «Суды чести» в СССР во второй половине 1940-х гг. // Клио. 2012. № 12. С. 60—61.
10. *Жуков И.* Мифы «о борьбе против космополитизма» в СССР // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/print19894.htm> (дата обращения: 25.09.2013).

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2013 г.